

Глава 1, *в которой герой просыпается*

«Чтобы сберечь нервы, просто нужно быть покладистой и класть на все, что тебя не устраивает».

Из письма одной очаровательной леди своей подруге

Ивану снилось лето. Такое, летнее — с желтыми одуванчиками, зеленым лугом и синим небом, по которому плыли одинаковые кучерявые облачка. Причем ровным таким строем.

И сама картинка была яркою, но какою-то чрезмерною, что ли. И грубоватой.

— Вань, а Вань... — донеслось откуда-то из-за горизонта, заставив Ивана к этому горизонту повернуться.

Он и руки раскрыл, готовый заключить в объятия Марусю, которая бежала навстречу, причем снова как-то... Как в кино?

В очень странном кино.

Она отталкивалась, взлетала по-над лугом и одуванчиками, слегка нарушая ровное движение облаков. Потом, повиснув в воздухе на мгновение-другое, опускалась, и взмывала широкая юбка сарафана, а за рукавами тянулись тонкие светящиеся полосы.

И Иван, всецело осознав, что сон у него ныне романтической направленности, ощутил острую потребность двинуться навстречу. Такими же огромными скачками и с зависанием в воздухе. А то вдруг сон обоюдный? И получится, что Маруся бегает, а он стоит столбом, не проявляя инициативы.

— Маруся... — воскликнул он, надеясь, что звучит нежно, но хриплый голос шуганул облачка. — Маруся, я тут... Маруся...

И оттолкнулся от земли, чтобы взмыть по-над лугом, заодно отметив его идеальную круглую форму, будто цир-

кулем очерченную. В природе так не бывает, а во снах — пожалуйста.

Бежать было тяжело, что тоже нормально для снов, но если оттолкнуться...

— А чего он дергается? — донеслось с небес.

— Может, кошмар какой снится? — задумчиво ответил второй голос. — Будить надо. Тряси!

— Я трясу!

— Чего он напился-то?

— Понятия не имею, но не он один... Сабуров вон второе ведро выхлебывает и матерится.

Ну чего пристали? Спит Иван.

И ему снится... хорошее же снится. Вот сейчас добежит, поймает Марусю, закружит и предложит выйти за него замуж. По-настоящему.

— Может, воды...

— А если нет?

— Тогда так волоочь, пока парни до него не добрались...

Слушай, он, когда выпьет, всегда такой буйный?

Ложь! Вовсе Иван не буйный. И пить не хотел. Просто так получилось.

— Маруся! — воскликнул он и поймал ее на руки. Крутанул, удивляясь тому, что воздух сна сделался плотным. — Выходи за меня...

Маруся посмотрела — то ли с любовью, то ли с укором — и собралась ответить. Согласием. В конце концов, это Иванов сон, потом выдохнула:

— Му...

И дыхание ее было каким-то странноватым... Травую от нее пахло. И еще чем-то, совершенно нехарактерным. Нет, со снами такое бывает.

— А он его не сожрет? — с сомнением поинтересовались с небес.

— Быки едят траву, вообще-то.

Маруся выдохнула, жарко так...

— Это нормальные быки едят траву. Тоже нормальную.

А в здешних после конопли я не уверен. Менельтор, не надо его жрать. Во-первых, хоть и придурок... — Кто придурок? — ...но наш. Я к нему, можно сказать, привык. — Маруся сопела и, вытянув губы, чмокала ими, явно требуя закономерного продолжения романтики, но у Ивана уже закрались некоторые сомнения. — Во-вторых, хрен его

знает, что он там пил. Еще отравишься. О! Молодец, вода нам поможет... теперь лей...

Маруся взмахом руки вдруг опрокинула Ивана на траву и привалилась сверху. Или сбоку? Главное, тяжеленная — не поднять, не сдвинуть. И смотрит с укоризной, будто знает про Ивана что-то донельзя стыдное. А с небес, со всех облачков сразу, вода полилась. Леденючая!

Открыл рот, чтобы возмутиться, но вода и в него попала, отчего Иван закашлялся. Сел. И проснулся. Ровно затем, чтобы лицом к лицу, точнее лицом к морде столкнуться с быком.

— О! Ожил! — обрадовался император, сидевший рядом на перевернутом ведре. — Я ж говорю, вода — первое средство. У нас камердинер всегда держал ведро-другое на случай, если папеньку срочно в сознание привести надо.

— Му... — выдохнули над головой, и Иван повернулся к Менельтору, который, пусть и не во сне, но тоже смотрел с укоризной и некоторым недоумением.

— К-как я... тут... п-пить...

— Вот поэтому ведер было два, — его императорское величество продолжили знакомить с подробностями жизни российских самодержцев, Бер же молча сунул ведро, на дне которого обнаружилась вода.

Холодненькая. Чудесно-холодненькая.

Иван пил, и пил, и пил, понимая, что если не выпьет всю, то иссохнет.

— К-как я т-тут... где я...

— Кто я... — дополнил череду вопросов Александр.

Зря. Себя Иван еще помнил.

— И какой... — Бер глядел мрачно. — Вань, я, конечно, все понимаю, но... это даже для тебя чересчур.

— С-сабуров. — Иван допил воду и мрачно посмотрел на дно ведра.

Менельтор, сунувшийся заглянуть следом, не найдя воды, мыкнул преобиженно.

Тоже жажда мучила.

— А... — Иван хотел спросить, где вода, и Бер понял.

— Там. — Указал на светлый проем двери — настолько светлый, что прям глаза резало.

Голова не то чтобы болела, скорее уж была такою... тяжелой? Чужой? Будто ватой ее набили, сунув в вату кучу

железа. И теперь при резких телодвижениях железяки перекатывались, клоня голову то в одну, то в другую сторону.

Иван отставил ведро и обнял голову — иначе, как он подозревал, удержать ровно не получится.

— Вчера... хоровод помню. Красиво... — выдавил он. — Потом прицепился один, из новых этих, что, типа, эльф я, а эльфы... эти...

— Лица нетрадиционной сексуальной ориентации? — сдавленно произнес Бер.

— Точно. — Иван кивнул и пожалел, потому как от кивка потерял равновесие и завалился. Почти завалился, но Менельтор по-дружески подставил теплый бок и сочувственно лизнул в щеку. Язык у него, что наждачка. — Я ду-мал... в морду ему дать...

— Найденюв! — донесся со двора могучий рык, заставивший всех к приоткрытой двери повернуться. Причем у Ивана возникло желание эту самую дверь прикрыть. Лучше вовсе на засов. Надежнее. — Найденюв, падла ты...

— Во, точно... Найденюв, — имя заняло место в чередѣ воспоминаний, — с ним... Сабуров появился... Сказал, что нужно жить мирно и за это выпить.

— И ты выпил? — поинтересовался Бер, глядя как-то... непонятно глядя.

— Выпил. Я не хотел, но как-то оно само. Потом подумал, что не будет беды... Я ж алкоголь из крови могу вывести на раз...

Мысль ошарашила своей оригинальностью.

И вправду ведь.

— Погоди. — Иван ведро отставил, выпрямился, насколько это было возможно, и Менельтор наклонил голову, предоставляя опору.

Да, с опорой вершить волшбу куда проще.

Получилось... пусть не с первого раза. И не со второго. При этом император с Бером как-то престранно переглянулись, а со двора донеслось:

— Выходи, я ж все равно найду... — Причем так многообещающе, что Иван Найденюву даже посочувствовал: неплохой же парень, если так-то...

Волна тепла прокатилась по крови, убирая некоторые последствия вчерашней пьянки. А должна бы все. Он же ж не заряженный клубный коктейль пил, а...

— Самогон, — обреченно выдал Иван, вернув себе еще кусок памяти. — Точно. Сабуров принес банку... Сказал, на Аленкиных травах. Хотя нет... Сказал, что он настойку какую-то вылил и конопли напихал... листьев...

— Самогон на травах и конопле, — презадумчиво произнес император и челюсть потер. — Тогда понятно.

— Что?

— Вань... — взгляд Бера преисполнился сочувствия, — ты это... только не переживай...

— Долго думаешь прятаться, Рапунцель хренов?..

— Главное, сам ты жив и здоров...

— А ты вообще ничего не помнишь? — перебил Бера император, заставив сосредоточиться на воспоминаниях.

Первая. Вторая...

— Спорили, — брякнул Иван, борясь с приступом тошноты. — Этот самогон... мне казался похожим на текилу. А Мишка, ну, Найденов, твердил, вроде как ром... Или нет, ром он пил, ему не понравилось... что-то про хлебушек... Потом... — Воспоминания были смутными, но наполненными нечеловеческой радостью, какой-то глубокою внутренней гармонией, достичь которой никогда не получалось, а еще желанием жить в мире со всем миром. Ну и чтобы весь мир тоже жил в мире... — Потом, кажется, начали про эльфов...

— Что они... — Бер закашлялся, и Сашка, похлопав его по спине, закончил:

— Не являются лицами нетрадиционной сексуальной ориентации?

— Точно! А ты откуда знаешь?

— Ну... — Они снова переглянулись, и Бер пробормотал:

— В конце концов это лишь краска, отмоеся. Должна бы...

— Где краска?

Бер молча указал на Ивана, и тот опустил взгляд.

Да, ноги босые. И голые. А где... Ладно, это он еще выяснит. В душе теплилась надежда, что уникальное одеяние не пострадало. Все же шелк нетленный, и горит он тоже плохо. И пятна на нем не остаются. Обычные...

Зато трусы на месте, одно это уже радовало. А животу холодно...

— Выше, — произнес император. — Погоди, я фотку сделаю.

— Может, не надо?

— Надо. Сохраню. И потом, когда министром тебя сделаю, буду шантажировать, чтоб в оппозицию не ушел.

Он развернул телефон, посмотрел на Ивана с сомнением, но взять в руки все же позволил.

Иван моргнул. Перед глазами все плыло. Чтоб он еще что из рук Сабуровых взял... Нет, ну додумались... Она хоть и синяя эльфийская, но конопля...

Зрение сфокусировалось на снимке, и Иван снова моргнул, надеясь, что глаза его обманывают. И еще раз. Молча ущипнул себя за руку, а там и за другую.

— Нет, Вань, — мрачно произнес Бер, — это реальность...

Реальность на снимке была страшна. Иван, конечно, видел свое отражение в зеркалах, и то было не настолько тощим. А тут... местами белый, местами — загорелый. И характерные пятна...

— А в крапиву я когда влез?

— Когда от Мишки прятался. — Император держал лицо, хотя и видно было, что ему это с трудом дается.

— Я?

— Ну... Судя по тому, что мы застали, вы самогон тот допили...

Там же три литра! Три светящихся, мать его, литра...

Иван взялся за голову и убедился, что снимок не обманывает. Голова была лысой. Под пальцами, правда, ощущался невесомый пушок, что внушало некоторую надежду, что волосы отрастут.

— И продолжили дискуссию о сексуальных предпочтениях представителей эльфийской расы... — Менельтор мыкнул, подтверждая, что так оно и было. — В итоге ты решил запечатлеть на груди... увековечить, так сказать... что эльфы — не те самые. Рецепт для тату у твоего Найденова тоже был... какой-то стремный, как по мне, из жженого угля и чего-то еще. — Иван побледнел и потерял грудь. — А Сабуров вызвался исполнить...

— Но оказалось, что политкорректная фраза на тебе не влезает, — император протянул руку и почесал Менельтора за рогом, — уж больно ты, Ванька, короткий. Они тебя и так укладывали, и этак... Потом рисовали эскиз. Потом пытались найти иглу.

К счастью, не нашли. Иван мысленно перекрестился. Трижды.

С эскизом тоже не задалось. Буквы были синюшными, кривоватыми, хотя первым нетвердая рука творца еще как-то пыталась придать изящества путем разрисовки то ли финтифлюшками, то ли рыбьею чешуей. Главное, что слово «эльфы», крупное, растянулось от правого до левого плеча, тире вынеслось уже на бицепс. Ниже шло то самое нехорошее неполиткорректное слово, а чуть выше скромненькое «не». Причем складывалось ощущение, что его дорисовывали позже, пытаясь изменить смысл фразы.

— А... потом?

— Потом вас нашла Аленка и выписала Сереге... мудрых наставлений. А вы с Найденовым от нее сбежали.

Радость-то какая.

— А... — Иван снова провел рукой по голове.

— А сбежали вы недалеко, — подхватил Бер. — Ты ему коноплю порывался показать, но... не дошли. — Снова радость. Наверное. — Вы устали и присели. И в знак большой дружбы решили прическами поменяться...

Иван молча прикрыл глаза.

На снимке его макушка была гладкой и даже поблескивала, а в сочетании с ушами, какими-то словно вытянувшимися, это навевало мысль не об эльфах.

— На упыря похож, — подтвердил мысль Бер. — Который эльфов недолюбливает.

— П-почему недолюбливает?

— Ну... это твое «не» как-то не слишком вписывается. По стилистике.

Иван раздраженно потер кожу и зашипел от боли. В крапиве он явно вывалялся от души.

— Потом... ты в свою очередь сказал, что честно будет и ему понять, как тяжело живет эльфам и до чего непросто отыскать хороший бальзам для волос, ну и... колданул. Только слегка переборщил. — Иван воздел голову к потолку, желая провалиться куда-нибудь поглубже. — Так что в крапиве ты прятался не зря, — Бер все-таки заржал, — я бы тебя вообще убил, но его девчонки отвлекли...

— Я исправлю. — Иван сделал шаг, и Менельгор, лежавший до того тихо, тоже поднялся. Хотелось посмотреть? Вот и Ивану... — А одежда где? — уточнил он, остановившись у двери, — выходить наружу в трусах было как-то... слишком эпатажно, что ли.

— Ты ее Марусе отдал, когда вы решили татуху делать.

Иван застонал. Слабая надежда, что она не знает, исчезла.

— Я увел ее, — сказал Александр, сжалившись.

— С-спасибо.

Но объясняться надо будет. Придумать... а что тут придумаешь? Сам дурак, никто ж не заставлял пить. И отказаться можно было. А он... И как теперь в глаза смотреть? Не говоря уж о большем.

— Ты, Вань, — Бер протянул огромное полотенце, — конечно, отжег... Я-то знаю, что ты, хоть и балбес...

— Кто бы говорил.

— И я не лучше... но парень хороший. Так что... ты только Найденову на глаза не попадайся.

— И Черномору, — поддержал Бера Сашка.

— А ему я что сделал?

— Ему — ничего. Но он за своих... племянников очень переживает.

— В общем, Вань, ты в себя приходи, — император встал, — и размагичивай... А то и вправду хрень какая-то.

Найденов сидел на берегу. Протрезвевший и мрачный, и отнюдь не по причине трезвости. Над ним грозною фигурой возвышался Черномор, чей голос разносился по-над темными водами и окрестностями в принципе.

— А я предупреждал, что дошутишься! Доиграешься!

Найденов вздыхал и время от времени набирал воздуха, явно собираясь выдать что-то виновато-оправдательное, но потом выдыхал и оглаживал косу.

Шикарную, к слову, косу. Золотистую, толщиной с запястье самого Найденова.

— И ты, — Черномор резко развернулся и палец его уткнулся в грудь Ивана, заставив покачнуться, — тоже хорош! Один дурак — это сила, а два... — Он замолчал на миг, чтобы буркнуть: — Неуправляемая сила... Давай расколдовывай придурка. — И отвесил Найденову затрещину.

— Да понял я, понял. — Тот поднялся и протянул руку. — Ты это... извини, если что... — Поглядел исподлобья и заржал.

— Найденов!

— Чего... зато я понял, на кой эльфам патлы нужны. Они без них на упырей похожи! — Бер хихикнул, император постарался сохранить серьезное выражение, как и сам Черномор, правда, того слегка перекривило. — И-из-

вини... А я вот... — Найденов перекинул косу через плечо, и кончик ее повис где-то на уровне щиколоток. — Ты это... убери, а? Хочешь, себе пересади.

— К-как? — Иван смотрел на эту косу, больше похожую на змею, с ужасом понимая, что не знает, как она получилась.

— Понятия не имею...

— А если просто постричь? — робко выдвинул версию.

— Пробовали. Отрастают. Минут за пятнадцать, — сказал Черномор.

— И силы тянут. — Найденов дернул за волосы. — Когда в первый раз обрезал, думал, сдохну — такого отката даже в учебке не ловил.

— Потому что гоняли тебя мало!

— Так вы ж и гоняли!

— Вот и говорю, что мало, раз вся дурь не ушла.

— Я, конечно, попробую... — Иван замялся, — надо посмотреть... И... тебе идет.

— Идет? Да я...

— На бабу похож, — Черноморенко явно не привык подбирать слова. — Но это ладно, кому на него любоваться-то, но... какой из него пловец-то? Боевой. С такою...

Воображение Ивана нарисовало Найденова в черном гидрокостюме. С лапами, подводным ружьем и косой, которая плыла в зеленых водах, извиваясь и завиваясь.

— Это какой-то русал выйдет, — согласился император. — Русал-Рапунцель.

— Во-во... Мужики тоже дошли, кликуху прицепили. Ржут. — Найденов шмыгнул носом. — Чтоб я еще хоть раз с эльфами пить сел... Я ж просто познакомиться хотел... Я ж эльфов живьем никогда и не видел.

Стало стыдно. Настолько, что ухо дернулось, и Иван, сделав глубокий вдох, приказал:

— Садись... — А потом сосредоточился и выдавил ту магию, что еще оставалась.

Слушалась сила не слишком хорошо, но потом-таки сдалась и потекла ровным потоком, ложась на полустертый узор заклинания. Такого...

Охреть. Это он сделал? И... и выходит, что он. Серьезно?

— Вань, — Бер понимал его лучше всех, — выражение твоего лица заставляет думать, что все плохо.

— Ну не то чтобы... Просто... есть заклятье роста волос. Обычное. Его используют... ну оно и против выпадения, и чтобы росли длинными, шелковистыми...

— А мне втирал, что шампунь по особому рецепту!

— Шампунь тоже важен. И бальзам. Но и так-то...

— Длинные и шелковистые, — мрачно заключил Черномор. — Найденов, скажи, вот почему там, где ты, вечно какая-то задница, а? Почему другие пьют, но прилично, а ты... Тебе бы девчонку себе найти, под ручку прогуляться... Нет, среди толпы молодых девчат ты находишь единственного эльфа! — И снова затрещину отвесил.

— Ай!

— Вы ему так все мозги отобьете, — заметил император.

— Было бы что отбивать...

— Вань, а отменить заклятье как-нибудь? — Бер явно сочувствовал, хотя не понять, кому именно.

— Будь оно обычным, само развеялось бы. Так-то его обновлять надо каждые недели две минимум.

— Значит, через две недели выпадут? — Найденов воодушевился.

— Боюсь, тут... Понимаешь... Я же не то что специалист по красоте и волосам... Мне оно раньше не особо давалось. К тому же я не совсем... в разуме был. — Звучало жалко. — Вот и... модифицировал слегка.

— Как коноплю? — с немалым интересом уточнил самодержец.

— Ну коноплю саму я не модифицировал, только поле! А тут... Наверное, мне подумалось, что хорошо бы, если бы обновлять не приходилось, если бы само оно... как на поле... Вот тут и тут узлы видишь? — Иван указал в смущавшие его звенья заклятья. — Это как на поле. И еще внешний контур добавил, чтоб силы на поддержание чар не тратить, а извне поглощать... Кстати, должны нормально так... Как ты восстанавливаешься?

— Да вроде как... — Найденов прислушался. — А точно! В другой раз сутки маялся бы, а тут полный под завязку! Охренеть...

— Все охреневают, — заверил его Бер. — Стало быть, его волосы собирают силу извне.

— Когда длинные...

— А расти они долго будут?

— Да нет, я задал стабильную длину. Ну с запасом небольшим. Так что больше нет... Укоротить не рискну, тут всего так навёрчено, что, боюсь, как бы хуже не вышло.

— Куда уж хуже.

— Всегда есть, куда хуже, — Черномор, кажется, успокоился, — сейчас они только на голове, а если потом по всему телу пойдут, длинные и шелковистые? И станешь ты, Найденев, не Рапунцелем, а чудищем лесным.

Задумались все крепко.

— Не, — Найденев явно примерил на себя новый образ, — я так не согласный. Я лучше с косою своею... — И к груди ее прижал, глянув на Ивана исподлобья.

— Зато, пока длинные, ты почти любую силу впитать сможешь. Восстанавливаться будешь быстро, — поспешил заверить Иван. — Это ведь преимущество. Наверное. Но... извини. Я не хотел... так. Как лучше — хотел, а вышло... Чтоб я еще раз с Сабуровыми пить сел... особенно если самогон на конопле настоящий.

— Самогон на конопле? — Брови Черномора сдвинулись, и в воздухе отчетливо запахло грозой. — Найденев?!

— Что? Я думал, они шутят... — Найденев вскочил.

— Конопля не такая, — Найденева стало по-человечески жаль, и Иван поспешно добавил: — Не наркотическая. Голубая... эльфийская... стратегического значения.

— Голубая эльфийская стратегического назначения, — ласково-преласково повторил Черномор. — Вставай и пошли.

— Куда? — осторожненько поинтересовался Найденев, глазами явно ища пути для отступления.

— В лагерь. Проводить воспитательную беседу.

— Коромыслом? — Император не удержался.

— Каким коромыслом?

— Да у Алены для разговоров с братьями коромысло есть, — пояснил самодержец. — Особое...

— Не, — отмахнулся Черномор, — коромысло как-то несерьезно. Коромысло — для баб... то есть для дам-с. Короче, под нормальную мужскую руку только оглобля. Или дрын. Хороший дрын — вообще первое средство в возрастной педагогике. А ты, Найденев, прекращай из себя деву в беде строить! Вперед давай! В расположение... тьфу, на рабочее место. Приехали дояры... самих по кустам искать надо, а коров девицы на поле выгоняют. Ни стыда ни совести! Как жрать, так в три горла, а помогать — все по

палаткам. — И пинка отвесил. — Вперед... Сегодня вы у меня все коровники вычистите... зубными щетками.

— А это не чересчур? — поинтересовался Бер, глядя вслед Найденову.

— Понятия не имею, но вмешиваться не рискну. — Император поежился.

— Знаешь, а я ведь в детстве мечтал из дому сбежать и в армию... — Бер погладил Ивана по обритой голове. — Хорошо...

— Чего хорошего?

— Что только мечтал.

— ...а то ишь, разгулялись! А главное что? Главное, Найденов, что твоими стараниями будут у меня под началом тридцать два боевых пловца и один боевой Рапунцель...

Глава 2,

*где рассказывается о злодейских замыслах,
а также преимуществах и недостатках
вечной жизни*

«Кашу в голове время от времени нужно перемешивать, чтобы не пригорала».

*Вывод, к которому пришла леди Н.
после полугода сеансов у психолога*

Ведагор очнулся на рассвете.

Он не помнил, как заснул. Просто сидел, потом растянулся на шелковой траве и глаза прикрыл, на мгновение только, а уже и рассвет. И солнце щекочет нос так, что Ведагор чихнул и проснулся.

Сел.

Ну да, лес стеной. Курган возвышается. И сила его чувствуется все так же хорошо. Родная, она пропитала и землю, и травы, и наполнила его тело, оттеснив чуждую тьму в дальние углы. Теперь, пожалуй, Ведагор мог бы вовсе вытравить ее одним малым усилием. Более того, сама суть его требовала сделать это, но...

Не сейчас.

— Не сейчас, — сказал тому, кто стал частью этой земли. — Так надо...

И был уверен, что он поймет.

Сорвал травинку и сунул в зубы, потянулся до хруста в костях.

— Надо... — Он задумался, как бы правильное сформулировать.

Нет, Ведагор был далек от мысли, что тот, кто спит веками, восстанет по зову потомка. Это хорошо в легендах. Но сила, переполнявшая место, помогала думать.

Страх не было. Даже раньше, когда тьма, до того таившаяся, вдруг ожила, потекла по жилам, выламывая тело изнутри, Ведагор испытал лишь злость.

На себя. Потому что он подставился.

Потом страх, что подставиться мог не только он.

И снова злость, уже иную, холодную, заставляющую просчитывать ходы и варианты. Она и ныне осталась, правда мысли стали спокойнее. И тьма попритихла.

Да, пусть побудет. Это не яд, скорее нечто среднее между отравой и силой. И если наличие первой проверить довольно сложно, то вторую хозяин должен чувствовать. И, уничтожь он ее сейчас, тот, кто эту тьму кормит, поймет. И отступит на время, затаится.

Вернется. И отомстит. И мстить будет за неудачу так, что... Нет, Свириденко нельзя оставлять в живых.

Солнце пробивалось сквозь сомкнутые веки, а былинка щекотала в носу, мешая сосредоточиться.

Александр — разумный юноша, но с него станется потребовать следствия. Суда.

А во время следствия и суда мало ли что произойти может.

Нет, суд будет. В деле все же замарано изрядное количество народу, а потому найдется кого и на каторгу отправить, и так... но Свириденко должен умереть.

Вопрос лишь в том, кто еще помимо Свириденко.

— Все же раньше было проще, — пожаловался Ведагор, усаживаясь поудобнее.

Если тьму получилось отделить, стоило этим воспользоваться. Вытеснить на периферию, чтобы прорывалась вовне всполохами. Заодно создаст иллюзию разодранной ауры.

Выстроить барьер, не позволяющий ей пробиться внутрь. Пара уплотнений и энергетические тяжи, чтобы не сдохла раньше времени.

— Есть враг — бей. А тут...

Земля будто бы вздохнула. Сдается, что и во времена прежние все было не так просто, как хотелось бы думать.

Тьма, получив подпитку, рванулась, спеша отравить кровь, и по ладони поползли черные жгуты. Так, с энергетическими оболочками проще. Барьер она, конечно, попытается подточить, ибо, подобно плесени, жрать станет все, что дадут. Но пускай. Чем больше тьмы будет вовне, тем сильнее ощущение, что он, Ведагор Волотов, серьезно болен.

А с телом тоже надо что-то да подумать. Кровь... кровоток пусть идет как есть, все одно крупные сосуды проходят через энергетическое ядро тела. Там тьма и сгорит.

Нагрузка на почки вырастет. И на сердце...

И вновь же уложится в общую картину его, Ведагора, смертельного недуга.

— Посмотрим, — сказал он, обращаясь к кургану и силе, которая спешила помогать.

Во всяком случае, заклинания выплетались легко, будто Ведагор всю жизнь чем-то подобным занимался. В какой-то момент он осознал, что хватает лишь волевого усилия. И это было...

Важно.

Настолько, что в любом ином случае он бросил бы эту игру и вызвал бы родовую гвардию, чтоб прикрыла и земли, и курган, и все-то вокруг. Чем бы оно ни обернулось. Но...

— Тьма ведь не в одном человеке. Там землю отравило так, что... В общем, ты тут еще погоди, предок, — он поднялся и поклонился, — я вернусь. Может, сейчас род Волотовых не так велик, как во времена иные, и не так много власти у нас. Зато семья хорошая. — Теплый ветер окутал с ног до головы, заставив тьму съежиться. — Спасибо...

Как бы вовсе не вымело. Зато...

Надо будет Мелкому шепнуть, а то ведь распереживается... И вовсе в этот Подкозельск прогуляться. С визитом, так сказать, ответным. Подарков прикупить.

Мысли потекли спокойно и лениво, выстраивая то будущее, в котором тьмы уже не было. И Ведагор готов был поклясться, что каждую из них, особенно ту, в которой тьмы не было, предок всецело одобряет.

Машина стояла там, где он ее бросил, и завелась сразу. Мобильник же очнулся уже на подъезде к особняку Свириденко, и Ведагор не удивился десятку пропущенных.

Инга. Матушка. От нее три вызова и голосовое, правда, весьма малосодержательное.

Первой Ведагор позвонил Инге и улыбнулся, услышав голос жены. И обрадовался, что отпуск ее так удачно приключился.

— Привет. — Он сбросил скорость, потом и вовсе остановился. Белый особняк уже был виден впереди. И аллея знакомая, только листва четырех кленов почти обуглилась. — Как ты?

— Как-то беспокойно, — призналась Инга, — всю ночь какая-то муть снилась. Ты когда вернешься?

— Не знаю. Прости.

Обещал ведь, что день-другой и присоединится. И поездку планировал. Чтоб по реке и на катере. А потом на ночевку в охотничьей избушке Калядина, которая уже лет сто на острове стоит и давно для охоты не используется, но для отдыха — самое оно. Там и баня. И вообще...

— Дела? — Жена попыталась скрыть обиду, и совесть кольнула.

— Не только. Тут... может быть опасно.

— Насколько? — Инга разом подобралась.

— Настолько, что тебе не стоит возвращаться. И... надо поднять наших. На всякий случай.

— Вед?

— Со мной все в порядке.

— Вед! — рявкнула Инга, и показалось, что она тут, на соседнем сиденье.

— Ладно... почти все в порядке. Была одна... своеобразная проблема, но я ее решил. Практически.

Даже если разговор слушают, — а Ведагор не настолько наивен, чтобы верить в непрслушиваемые разговоры, — то спишут на нежелание волновать супругу.

Ее и вправду волновать не стоит.

Молчание в трубке было напряженным.

— Один... не очень умный человек... решил, что может меня шантажировать. Моим здоровьем. Твоим здоровьем... — Он даже представил, как Инга выгибает точеную бровь.

Она вся-то была такая вот... точеная и изящная. И на статую похожа беломраморную. Этой беломраморностью своей, совершенством нечеловеческим тогда его и зацепила.